

(Ф. Бомонт и Дж. Флетчер, Дж. Уэбстер, Т. Миддлтон, Ф. Мессинджер, У. Роули, Дж. Форд) все больше играют самоубийством, угрожают, хитрят и смешат с его помощью. Феномен становится знакомым, иногда забавным, а зачастую банальным и пресным, потеряв часть своей эмоциональной нагрузки. Среди мотивов на первом месте снова любовь, соображения чести отступают, отчаяние и угрызения совести снова интересуют драматургов. Новым является экономический мотив: самоубийство становится логичной моделью поведения после банкротства. Меняются источники сюжетов: вместо Библии и классической литературы внимание фокусируется на современной истории, как европейской, так и национальной. Трагикомедии разворачиваются в романтических рамках, семейные драмы – в реалиях Англии.

Пропорция одобренных самоубийств сравнима с елизаветинским периодом, но часто мы испытываем неуверенность в моральной точке зрения автора. Кроме Филипа Мессинджера, который постоянно напоминает о традиционной морали и осуждает самоубийство, авторы трагикомедий обрезают глубокие этические и духовные корни. Поле зрения заметно сужается, разнообразие исчезает. Время апогея – время Шекспира – прошло.

Библиографические ссылки

1. Daniel S. Cleopatra / Works in 3 vol. NY : Mosaic Press, 1985. Vol. III. P. 3–24.
2. Jonson B. Volpone // Volpone, or the Fox and Other Plays. Cambridge : Cambridge UP, 1992. P. 1–118.
3. Middleton Th. The Revenger's Tragedie. Methuen Drama; New Ed Edition, 2009. 176 p.
4. Shakespeare W. The Arden Shakespeare Complete Works. L., Oxford, NY, New Delhi, Sydney : Bloomsbury Arden Shakespeare, 2017. 1392 p.

О ТЕМЕ СВОБОДЫ И НЕВОЛИ В РОМАНЕ БАРБАРЫ КИНГСОЛВЕР *THE POISONWOOD BIBLE*

И. Е. Коптелова

Дипломатическая академия МИД РФ

Москва, Россия

e-mail: ms.koptelova@list.ru

В статье рассматриваются особенности отражения оппозиции понятий «свобода» – «неволя» в романе американской писательницы Б. Кингсолвер *The Poisonwood Bible*. В романе эти понятия прослеживаются на разных уровнях, применительно к отдельным героям, к семье в целом, к стране и даже к животным. Автор подчеркивает, что один вид неволи переходит в другой, а свобода – иллюзорна и труднодостижима.

Ключевые слова: свобода; неволя; узость взглядов; колониальная риторика.

ON FREEDOM AND CAPTIVITY IN *THE POISONWOOD BIBLE* BY BARBARA KINGSOLVER

I. E. Koptelova

Diplomatic Academy of Russia's Foreign Ministry

Moscow, Russia

e-mail: ms.koptelova@list.ru

The article deals with the opposition of notions “freedom” and “captivity” in the book *“The Poisonwood Bible”* by American writer B. Kingsolver. The notions in the book can be traced at different layers being applied from an individual to a family as a whole, then to the country and even to an animal. The author argues that one kind of captivity just transforms into another one while freedom is a kind of unattainable dream.

Key words: freedom; captivity; bigotry; colonial rhetoric.

Роман Барбары Кингсолвер *The Poisonwood Bible* представляет собой многогранную историю семьи американского проповедника-баптиста, который приезжает в качестве миссионера в Конго накануне обретения страной независимости. Среди множества тем, которые рассматриваются в книге, есть и тема свободы и неволи.

Словарь русского языка определяет слово «свобода» как 1) способность человека действовать в соответствии со своими интересами и целями...; 2) отсутствие политического и экономического гнета, отсутствие стеснений, ограничений в общественно-политической жизни...; 3) отсутствие <...> рабства; 4) состояние того, кто не находится в заключении, в неволе; 5) личная независимость, самостоятельность, отсутствие зависимости от кого/чего-л. или связи с кем/чем-л. мешающим, стесняющим [1]. В то же время слово «неволя» имеет следующие значения: 1) отсутствие свободы, независимости; положение и состояние того, кто их лишен (плен, рабство и т. п.); 2) пребывание в заключении; 3) положение диких животных и птиц, которые содержатся в клетках, вольерах и т. п. [1]. И именно все эти значения нашли свое выражение в книге. Противопоставление понятий «свобода – неволя» можно встретить на примере отдельного человека, семьи, страны.

Натан Прайс является невольником своих ограниченных взглядов. Психологическая травма во время Второй мировой войны привела к тому, что Натан оказался захвачен религиозной идеей: будучи единственным выжившим в своей роте, он стремится обратить в христианство как можно больше «заблудших душ», компенсировав, вероятно, таким образом гибель своих сослуживцев. Он отказывается понять, как его одержимость крестить «новообращенных христиан», в первую очередь детей, пугает жителей деревни Киланги, поскольку он не потрудился узнать, что в реке водятся крокодилы.

Позднее, уже в другой деревне, несвобода от этой навязчивой идеи приведет Натана к страшному концу. Он так и останется невольником своих фундаменталистских религиозных взглядов до гибели в пламени.

В то же время чувство американской исключительности приводит к тому, что он не видит в своей африканской пастве людей [2, с. 30]. Он отказывает им в свободе: в свободе воли, в политической и экономической свободе, говоря:

The Belgians and American business brought civilization to the Congo! American aid will be the Congo's salvation. You'll see [3, с. 121].

These people can't even read a simple slogan: Vote for Me. Down with Shapoopie! An election! Who out here would even know it happened? [там же с. 167].

Пять женщин, приехавших с Натаном: жена Орлеанна, дочери Рэчел, Лиа, Ада и Рут Мэй, – тоже несвободны. Они – невольники мужа и отца и как отдельные индивиды, и как семья. Они лишены свободы воли, вынуждены делать то, что считает правильным Натан. Натан решил поехать проповедником в Африку, не озаботившись спросить мнения хотя бы Орлеанны по этому поводу, и вся семья вынуждена собираться и ехать с ним, несмотря на то, что это будет означать отсутствие школьного обучения для девочек, во многом враждебное природное окружение, тяжелый нездоровый климат, оторванность от привычного общения. Натан ведет себя как рабовладелец в отношении женщин. Он считает, что образование для девочек – пустая трата ресурсов.

Sending a girl to college is like pouring water in your shoes, <...> It's hard to say which is worse, seeing it run out and waste the water, or seeing it hold in and wreck the shoes [там же, с. 56].

Ни Орлеанна, ни девочки не имеют право голоса. Их мнение – это мнение Натана, и никак иначе. Ада замечает:

Our father speaks for all of us [там же, с. 32].

Его не интересует бытовая сторона жизни в африканских джунглях. Для этого есть женщины, они должны брать на себя все бытовые заботы. Он отказывается уехать из Конго, когда началась эвакуация перед объявлением независимости, хотя это означает опасность для остающихся белых, которые могут стать объектом насилия. Баптистская Лига отказывает ему в выплате ежемесячного денежного пособия, но это не заставляет Натана передумать, хотя непонятно, на что будет жить семья.

Даже когда Орлеанна и Рут Мэй находятся на грани жизни и смерти, заболев малярией, Натан ожидает, что оставшиеся три дочери должны взять на себя все заботы, в том числе и по уходу за больными, а он продолжит свои размышления, подготовку к проповедям и службам.

He'd made us stay here, when everybody from Nelson to the King of Belgium was saying white missionaries ought to go home. For us to be here now, each day, was Father's decision and his alone. Yet he wasn't providing for us, but only lashing out at us more and more...

Father would sooner watch us all perish one by one than listen to anybody but him self [там же, с. 193].

Женщины – за исключением Рут Мэй (в силу возраста) – осознают свою несвободу. Как мать, Орлеанна – центр семьи, но она никогда не чувствует себя комфортно в своем собственном положении. Как и многие женщины в 50-60х годах прошлого века, она считает себя несвободной, подчиненной мужчине, мужу. По ее мнению, Бог на стороне Натана:

There are countless laws of man and nature and none of these is on your side. What did I have? No money, no influence, no friends [там же, с. 314].

Орлеанна – пленница своего мужа, брак для нее оказался неволей. Уже в самом начале книги Орлеанна говорит о себе:

... but still I'll insist I was only a captive witness. What is the conqueror's wife if not a conquest herself? [там же, с. 9].

Она часто ссылается на себя как на жертву угнетения и доминирования мужа:

And where was I, the girl or woman called Orleanna, as we traveled those roads and crossed the lines again and again? Swallowed by Nathan's mission... Occupied as if by a foreign power. [там же, с. 198].

Размышления Орлеанны о неволе и подчиненном положении находятся под сильным влиянием колониальной риторики с ее концепциями колонизатора и колонизатора [4]. Она ясно выражает потерю свободы и утрату идентичности из-за доминирования и насилия ее мужа. Через повествование Орлеанны автор соединяет события личного и политического уровня [5, с. 194]. Орлеанна ассоциирует себя с Африкой, а Африку – с женщиной. Она размышляет:

He and all the profiteers who've since walked out on Africa as a husband quits a wife, leaving her with her naked body curled around the emptied-out mine of her womb [3, с. 9].

«Он» здесь подразумевает доктора Ливингстона, шотландского исследователя, который путешествовал по Конго во второй половине XIX века. Автор ассоциирует Африку с женщиной, а Запад (доктор Ливингстон и иже с ним) – с мужчинами, которые приходят, подавляют и порабащают, проводя параллель между отношением Натана к своей жене, и Запада – к Конго.

В книге есть интересный символ, который, с одной стороны, связан с Орлеанной, а с другой – со страной, Конго. Это попугай Мафусаил. Он

достался Прайсам от предыдущего священника, отца Фаулса. Попугай долго прожил в неволе, не знает, как быть свободным, где искать пищу или как прятаться от хищников. Орлеанна сама сравнивает себя с Мафусаилом, и Мафусаил с Конго.

It took me a long time to understand the awful price I'd paid, and that even God has to admit the worth of freedom. How say ye to my soul, Flee as a bird to your mountain? By then, I was lodged in the heart of darkness, so thoroughly bent to the shape of marriage I could hardly see any other way to stand. Like Methuselah, I cowered beside my case, and though my soul hankered after the mountain, I would, like Methuselah, I had no wings <...> Poor Congo, barefoot bride of men, who take her jewels and promised the kingdom [3, с. 201].

В какой-то момент, разозлившись на попугая, Натан выпускает его из клетки, но попугай, не знающий, что такое свобода, остается рядом с домом Прайсов и, в конце концов, оказывается жертвой хищника. Мафусаил погибает в тот день, когда Конго объявило о своей независимости. Такое символическое совпадение намекает на дальнейшую судьбу страны: практически через полгода после обретения независимости первый Премьер-Министр Патрис Лумамба будет убит с помощью агентов ЦРУ, в стране установится жесточайшая диктатура Мобуту, богатства страны продолжат расхищать западные компании, а народ окажется под еще более тяжелым гнетом.

Рэчел, старшая дочь, квинтэссенция американских идей, физически освободившись от гнета Натана, остается невольником своих взглядов, основанных на превосходстве белого человека над африканцами.

Лиа, старшая из близнецов, долгое время духовно несвободна из-за восхищения отцом и веры в правильность его взглядов, но, постепенно взрослея и знакомясь с окружающим ее новым миром Африки, она освобождается от этой неволи, открыто бунтуя против своего отца.

Ада, младшая из близнецов (вторая – Лиа), страдает гемиплегией, которая означает состояние, когда мозг развился асимметрично, что привело к хромоте и малоподвижности правой части тела. Видимо, это явилось причиной, что речь вслух причиняет ей боль, из-за чего лишь в очень редких случаях она произносит слово или два. Физический недостаток компенсируется умственным развитием. Несвободная в своем физически ограниченном теле, Ада, наблюдательная, обладающая критическим мышлением, оказалась самой свободной, хотя бы в своих мыслях.

Смерть Рут Мэй явилась поворотным моментом в повествовании, изменившим семью [6, с. 8]. В случае с Орлеанной, например, *“The guilt she feels for the death of her daughter opens her eyes once and for all to the absurdity of her husband’s quest and of the cultural assumptions he hammered into her, which*

leads her to redefine entirely her status as a southern Christian woman – a process made visible through her recurrent interventions in the text” [7, с. 228].

Однако Орлеанна и девочки смогли освободиться лишь от гнета отца, Натана. Все они остались в той или иной неволе. Орлеанна – невольница испытываемой ей вины за смерть младшей дочери. Рэчел, вроде бы успешная бизнесвумен, несвободна от своих узких взглядов на африканцев и эгоизма, что приводит ее в конце к одиночеству. Ада, освободившись от своего физического недостатка, несвободна от его психических последствий и, будучи успешным доктором-исследователем, остается одинокой. Вроде бы Лиа смогла найти свое счастье в семье: она вышла замуж за Анатоля, местного учителя-африканца, у нее четверо сыновей, но муж – противник режима, и Лиа порой не знает, жив ли он, или брошен в очередную страшную тюрьму Мобуту. Ей приходится жить в одной из соседних с Конго стран, чтобы не подвергать опасности детей, и Лиа оказывается в неволе бедности – бича всех африканцев.

Подводя итог, можно сказать, что автор в своей книге полностью раскрыла понятие неволи и свободы, показав, что человек несвободен, его «несвободы» многочисленны и накладываются одна на другую. Свобода, по автору, никогда не бывает полной: освободившись от чего-то, человек попадает в другую неволю, а свобода остается недостижимой мечтой, к которой стремятся, но не достигают.

Библиографические ссылки

1. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : 2012. Режим доступа: <https://ushakovdictionary.ru> (дата обращения: 05.09.2020).
2. Коптелова И. Е. Барбара Кингсолвер “The Poisonwood Bible”: особенности стиля автора и трудности перевода // Язык. Культура. Коммуникация. 2018. № 21. С. 28–35.
3. Kingsolver B. The Poisonwood Bible. HarperPerennial. 1999. 546 p.
4. Петрухина М. А. Современный английский колониалистский роман : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1970. 24 с.
5. Коптелова И. Е. Барбара Кингсолвер “The Poisonwood Bible”: полифонический роман // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире : Материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 24–25 окт. 2018 г. / редкол.: О. И. Уланович [и др.]. Минск : БГУ, 2018. С. 192–197.
6. Хрикова М. Значение страданий в книге Барбары Кингсолвер «Библия ядовитого леса» // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики : сб. материалов конф. Елабуга : Изд. ЕИ КФУ. 2017. С. 6–9.
7. Croisy S. Re-visioning Southern identity: transatlantic cultural collisions in Barbara Kingsolver’s The Poisonwood Bible // Journal of Transatlantic Studies. Vol. 10, No. 3. September 2012. P. 222–233.